

Нестор Махно

Есть легенда, что на священнике, крестившем Нестора Махно, от пламени свечи загорелось облачение. По народному поверью это значит, что родился разбойник, коего свет не видывал. Нестор Махно родился 26 октября 1888 года. Отец, Иван Махно, кучер одного гуляйпольского богатея, записал дату рождения сына годом позже - так иногда делали, чтобы не отдавать совсем уж юных сыновей в армию (судьба: позже приписанный год спас Нестору жизнь). Иван Родионович рано умер. "Пятеро нас, братьев-сирот, мал мала меньше, остались на руках несчастной матери, не имевшей ни кола, ни двора. Смутно вспоминаю свое раннее детство, лишенное обычных для ребенка игр и веселья, омраченное сильной нуждой и лишениями, в каких пребывала наша семья, пока не поднялись на ноги мальчуганы и не стали сами на себя зарабатывать", - вспоминал Махно в мемуарах (написанных, кстати, на русском - украинскую мову батька знал неважно).

Восьмилетнего Нестора отдали в школу. Мальчик учился хорошо, но в какой-то момент пристрастился к конькам. Он исправно собирал книжки по утрам, но в школе так и не появлялся. Учителя не видели его неделями. Однажды на масленицу Нестор провалился под лед и чуть не утонул. Узнав о случившемся, мать долго "потчевала" сына куском скрученной веревки. После экзекуции Нестор несколько дней не мог сидеть, но стал зато прилежным учеником. "...Зимой я учился, а летом нанимался к богатым хуторянам пасти овец или телят. Во время молотбы гонял у помещиков в арбах волов, получая по 25 копеек *(в сегодняшних деньгах - 60-70 руб.)* в день".

В 16 лет Махно поступил чернорабочим на гуляйпольский чугунолитейный завод, где вступил в театральный кружок (удивительная деталь, никак не вписывающаяся в наши представления о быте рабочих начала века).

Осенью 1906 года Махно стал членом группы анархистов. Через некоторое время его арестовали за незаконное хранение пистолета (к тому был повод: Махно пытался застрелить соперника своего ревнивого приятеля), но по малолетству отпустили.

За год группа совершила четыре ограбления. 27 августа 1907 года Махно вступил в перестрелку со стражниками и ранил крестьянина. Спустя некоторое время его задержали и опознали, но анархисты то ли припугнули, то ли подкупили свидетелей, и те отказались от первоначальных показаний. Юный анархист вышел на свободу. Группа совершила несколько убийств. Нестор в этих убийствах не участвовал, но тогда особо разбираться не стали. Военно-полевой "столыпинский" суд, перед которым предстали подельники, давал виселицу и не за такое. Махно спасла приписка на год и хлопоты матери: смертную казнь заменили каторгой.

Шесть лет он сидел в Бутырской тюрьме (за плохое поведение - в кандалах). Здесь он научился писать стихи, познакомился с анархистом-террористом Петром Аршиновым (Мариным) и получил основательную теоретическую подготовку, причем не только по части анархизма: в заключении, по словам Махно, он прочитал "всех русских писателей, начиная с Сумарокова и кончая Львом Шестовым". 2 марта 1917 года Махно и Аршинова освободила революция.

Нестор вернулся домой и женился на крестьянке Насе Васецкой, с которой переписывался, сидя в тюрьме. У них родился сын, который вскоре умер. Брак распался. Махно уже было не до семейной жизни: он быстро выдвинулся в гуляйпольское руководство.

Осенью 1917 года Махно избрали на целых пять общественных должностей. Насколько совместима анархия с выборным руководством и где та грань, за которой кончается самоорганизация масс и начинается "чудище обло, озорно... стозевно" - государство? За ответом Махно поехал к екатеринославским анархистам и сразу понял, что попал не по адресу. "...Я спросил себя: для чего они отняли у буржуазии такое роскошное по обстановке и большое здание? Для чего оно им, когда здесь, среди этой кричащей толпы, нет никакого порядка даже в криках, которыми они разрешают ряд важнейших проблем революции, когда зал не подметен, во многих местах стулья опрокинуты, на большом столе, покрытом роскошным бархатом, валяются куски хлеба, головки селедок, обглоданные кости?"

Помещичьи земли были конфискованы в пользу "трудового крестьянства". В окрестностях Гуляйполя начали зарождаться коммуны (сам Махно дважды в неделю работал в одной из них), на предприятиях все большую силу приобретали органы рабочего самоуправления. В декабре 1917-го Махно приехал в Екатеринослав в качестве делегата губернского съезда Советов: народные избранники "злобствовали друг на друга и дрались между собой, втягивая в драку тружеников".

Тем временем Украину согласно условиям "похабного" Брестского мира оккупировали немецкие и австро-венгерские отряды. 1 марта 1918 года они вошли в Киев, в конце апреля заняли Гуляйполе. Махно и несколько его товарищей-анархистов уехали в Таганрог. Оттуда будущий батька отправился в Поволжье, а затем - в Москву.

То, что анархист Махно увидел в "красных" губерниях, его насторожило. Объявленную большевиками диктатуру пролетариата он расценил как попытку расколоть трудящихся. Впечатления от "новой Москвы" летом 1918 года еще больше укрепили, его в этой мысли. Не помогли ни беседа со Свердловым и Лениным в июне 1918 года в Кремле, ни даже визит к престарелому князю Петру Кропоткину. "Нет партий, - сокрушался тремя годами позже батька, - ...а есть кучки шарлатанов, которые во имя личных выгод и острых ощущений... уничтожают трудовой народ".

По фальшивым документам Махно вернулся в Гуляйполе - поднимать восстание трудящихся под черным знаменем анархии. Его ждали плохие вести: австрийцы расстреляли одного его брата, замучили другого, хату сожгли.

В сентябре 1918 года Махно дал оккупантам первый бой. Он совершал налеты на богатые немецкие хутора и имения, убивал немцев и офицеров армии номинального правителя Украины гетмана Скоропадского. Любитель дерзких предприятий, однажды он, переодевшись в гетманский офицерский мундир, явился на именины к помещику и в разгар торжества, когда гости пили за поимку "бандита Махно", бросил на стол гранату. Оставшихся в живых "гости" прикончили штыками. Усадьбу спалили.

Расстрелянные, повешенные, посаженные на кол, с отрубленными головами, изнасилованные тысячами ложились в землю Украины. И виновны в этом были все: и "цивилизованные" немцы, и "благородная" белая гвардия, и красные, и повстанцы, коих кроме Махно было тогда великое множество. Взяв Гуляйполе, белые изнасиловали восемь сотен евреек и многих из них убили самым жестоким образом - вспоров животы. Красные расстреляли монахов Спасо-Мгарского монастыря. Всех... На станции Орехово Махно приказал живым сжечь попа - в паровозной топке.

Махно не был антисемитом. Анархист вообще не может быть антисемитом, потому что анархизм по природе своей интернационален. При Махно отдельные повстанцы громили евреев, но массовых погромов - таких, как при белых и красных, - земли Махновии не знали. Как-то раз на станции Верхний Токмак батька увидел плакат: "Бей жидов, спасай революцию, да здравствует батька Махно". Махно приказал расстрелять автора.

Анархисты пользовались всенародной поддержкой, потому что махновцы, в отличие от белых и красных, местных жителей не грабили (представления о махновщине как разгуле неконтролируемого бандитизма - поздние идеологические клише). Авторитет Махно признали атаманы, орудовавшие близ Гуляйполя, для карателей он был неуловим. Ядро отряда составляла небольшая мобильная группа, а на крупные операции батька созывал добровольцев, которые охотно к нему шли. Сделав дело, мужики расходились по хатам, а Махно с двумя-тремя десятками бойцов исчезал - до следующего раза.

Осенью 1918 года правительство Скоропадского рухнуло. На смену гетманщине пришла националистическая Директория во главе с Петлюрой. Войска Директории вошли в Екатеринослав и разогнали местный Совет.

Когда в конце декабря 1918 года повстанческий отряд Махно и договорившиеся о союзе с ним большевики взяли Екатеринослав, большевики первым делом занялись дележом власти. Начались грабежи. "Я именем партизанов всех полков, - обращался Махно к жителям города, - объявляю, что всякие грабежи, разбои и насилия ни в коем случае допущены не будут в данный момент моей ответственности перед революцией и будут мной пресекаться в корне". В эмиграции Нестор Иванович вспоминал: "На самом деле я за грабежи, как и за насилие вообще, расстреливал всех. Конечно, среди расстрелянных... оказались, к стыду большевиков, все почти лица из вновь и наспех большевиками сколоченного Кайдацкого большевистского отряда, которых сами же большевики арестовали и скрещивали их махновцами".

Под новый, 1919 год петлюровские части разбили большевиков и захватили город, но район Гуляйполя, куда отошел Махно, занять не смогли. Общественный уклад Махновии строился в строгом соответствии с резолюцией одного из махновских съездов, призвавших "товарищей крестьян и рабочих", чтобы те "сами на местах без насильственных указов и приказов, вопреки насителям и притеснителям всего мира строили новое свободное общество без притеснителей панов, без подчиненных рабов, без богачей, без бедняков".

Вполне пристрастный свидетель, большевик Антонов-Овсеенко, докладывал "наверх": "Налаживаются детские коммуны, школы, Гуляйполе - один из самых культурных центров Новороссии - здесь три средних учебных заведения и т. д. Усилиями Махно открыты десять госпиталей для раненых, организована мастерская, чинящая орудия, и выделяются замки к орудиям".

Жилось махновцам вольготно. Культпросвет повстанческой армии давал спектакли, регулярно устраивались грандиозные пьянки с участием самого батьки.

Большевикам этот "анклав свободы" не нравился. В "центр" шли доклады: "...тот район представляет собой особое государство в государстве. Вокруг этого знаменитого штаба сконцентрировались все силы левых эсеров, анархистов, отъявленных бандитов и рецидивистов". Красные хотели подчинить себе войска Махно и использовать их в борьбе против петлюровцев и белогвардейцев. И красные, и махновцы надеялись при случае уничтожить друг друга. В резолюции второго съезда вольных советов Гуляйполя говорилось: "Прикрываясь лозунгом "диктатуры пролетариата", коммунисты большевики объявили монополию на революцию для своей партии, считая всех инакомыслящих контрреволюционерами".

Тем не менее махновцы вошли в оперативное подчинение Красной Армии в качестве Третьей повстанческой бригады и развернули бои против Деникина. Однако большевики намеренно держали махновскую армию на голодном пайке, лишая подчас самого необходимого. Мало того - в апреле по инициативе Троцкого против махновцев началась пропагандистская кампания.

25 мая Совет рабоче-крестьянской обороны Украины принял решение ликвидировать Махно.

Отправив гневную телеграмму Ленину, Троцкому, Каменеву и Ворошилову, в середине июня батька с небольшим отрядом исчез в гуляйпольских лесах. Красные расстреляли начштаба махновцев Озерова и нескольких видных анархистов. В ответ московские анархисты взорвали здание горкома партии в Леонтьевском переулке (Ленин, который должен был туда приехать, чудом избежал гибели). Началась новая фаза отношений между батькой и красными - открытой вражды.

5 августа Махно издал приказ: "Каждый революционный повстанец должен помнить, что как его личными, так и общенародными врагами являются лица богатого буржуазного класса, независимо от того, русские ли они, евреи, украинцы и т. д. Врагами трудового народа являются также те, кто охраняет несправедливый буржуазный порядок, т. е. советские комиссары, члены карательных отрядов, чрезвычайных комиссий, разъезжающие по городам и селам и истязаяющие трудовой народ, не желающий подчиниться их произвольной диктатуре. Представителей таких карательных отрядов, чрезвычайных комиссий и других органов

народного порабощения и угнетения каждый повстанец обязан задерживать и препровождать в штаб армии, а при сопротивлении - расстреливать на месте".

Войска Красной Армии, посланные ловить батьку, в массовом порядке переходили на его сторону. Набравшись сил, Махно начал активные боевые действия против белых и красных одновременно. Он даже заключил соглашение с Петлюрой, также воевавшим с Добровольческой армией. Махновцы, проникнув под видом торговцев в Екатеринослав, на целую неделю (а потом вторично - на месяц) захватили город, который, по признанию очевидцев, отдохнул от постоянного страха и... грабежей. Особую популярность среди горожан снискал батька, когда лично расстрелял на базаре нескольких мародеров.

Махно пытался наладить мирную жизнь. На освобожденных территориях организовывались коммуны, профсоюзы, система помощи бедным, налаживались производство и товарообмен. Кстати сказать, и раньше, и тогда продолжали издаваться газеты, допускавшие (немыслимое, казалось, дело) критику махновской власти. Батька твердо стоял за свободу слова. Деникину пришлось снимать с фронта крупные силы против повстанцев (корпус генерала Слащёва - того самого, что стал прототипом Хлудова в булгаковском "Беге"), дав красным живительную передышку. В декабре 1919 года Слащёву удалось выбить махновцев из Екатеринослава. Махно снова начал переговоры с большевиками. Но был объявлен бандитом, заслуживающим ареста и казни. Барон Врангель несколько раз посылал к батьке делегатов, но кого-то схватили красные, а кого-то казнил Махно. Репрессии, которые обрушили на жителей губернии наступавшие части Врангеля, вынудили Махно сначала прекратить войну с большевиками, а потом и объединиться с ними. В начале октября 1920 года представители повстанцев подписали соглашение с большевистскими командирами. Повстанческая армия перешла в оперативное подчинение главкому Южного фронта Тимуру Фрунзе.

В Гуляйполе снова потянулись анархисты, которых красные отпустили из своих тюрем. После отступления Врангеля в Крым для Махновии настала пора передышки. Но была она недолгой и окончилась с разгромом белогвардейцев. В решающем броске через Сиваш не последнюю роль сыграл четырехтысячный отряд повстанцев под командованием махновца Каретникова. 26 ноября 1920 года Каретников был вызван на совещание к Фрунзе, схвачен и расстрелян, а его части окружены. Однако махновцы сумели сбить заслоны красных и выйти из Крыма. Из бойцов, месяц назад ушедших к Перекопу, обратно к батьке вернулось не больше половины. Началась драка не на жизнь, а на смерть. Против остатков батькиной армии были брошены части Красной Армии. Им теперь было легче: противник остался один, да и перевес сил был астрономическим. Махно метался по Украине. Дни его были сочтены. Почти ежедневно отбиваясь от наседавших карателей, Махно с горсткой оставшихся в живых бойцов и верной женой Галиной Кузьменко прорвался к Днестру и 28 августа 1921 ушел в Бессарабию.

Остаток жизни Нестор Иванович Махно провел в эмиграции - сначала в Румынии, затем в Польше (где отсидел в тюрьме по подозрению в антипольской деятельности) и во Франции. В Париже Махно активно занимался пропагандой идеи анархизма - выступал, писал статьи, издал несколько брошюр. Одновременно, если позволяло здоровье, работал физически - рабочим на киностудии, сапожничал.

Организм Нестора Ивановича был ослаблен многочисленными ранами и застарелым, еще с царской каторги, туберкулезом. Он-то и свел батьку в могилу: Нестор Иванович умер в парижском госпитале 6 июля 1934 года. То ли злой гений, то ли освободитель украинского крестьянства, кавалер ордена Боевого Красного Знамени, анархист батька Махно покоится на кладбище Пер-Лашез. Во Вторую мировую вдова батьки и его дочь попали сначала в концлагерь, а затем в подвалы ГПУ. После смерти Сталина обе они поселились в Джамбуле. Сослуживцы дочь Махно слегка побаивались - мало ли...